

Проблема международно-правовой ответственности государств за организацию «цветных революций» и поддержку оппозиции за рубежом

Сазонова К.Л.,

кандидат юридических наук, кандидат политических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин РАНХиГС
E-mail: kira_sazonova@mail.ru

Аннотация. «Цветные революции» на постсоветском пространстве и «арабские весны» на Ближнем Востоке актуализировали вопрос о международно-правовой составляющей данных явлений. Данный ракурс тесно связан с проблемой возможного осуществления международной ответственности теми государствами, которые причастны к организации политических переворотов в других государствах. В представленной статье рассматриваются правовые сложности, связанные с имплементацией данного вида ответственности.

Ключевые слова: «цветные революции», поддержка оппозиции, международное право, международная ответственность, государства.

«Бульдозерная революция» в Югославии в 2000 г., «революция роз» в Грузии в 2003 г., «оранжевая революция» в 2004 г. и «евромайдан» в 2014 г. на Украине, «тюльпановая революция» в 2005 г. и «дынная революция» в 2010 г. в Киргизии, попытка организации «революции розеток» в 2015 г. в Армении — таков далеко не полный список попыток государственных переворотов на постсоветском пространстве. Шаблон попытались использовать также в азиатском регионе, например, для организации так называемой жасминовой революции в Китае 2011 г., а также «революции зонтиков» в Гонконге 2014 г., однако перевороты не были реализованы.

Подвидом «цветных революций» на Ближнем Востоке стали «арабские весны» — попытки смены политических режимов, с разной степенью успешности реализованные в Тунисе, Марокко и Алжире в 2010 г., в Ливии, Египте, Судане, Мавритании, Бахрейне, Йемене, Омане, Сомали и Сирии. Более «кровавый» формат смены ближневосточных режимов, сопровождавшийся вооруженным вторжением западных сил, был опробован десятилетием ранее — в 2001 г. в Афганистане и в 2003 г. в Ираке, однако вызвал весьма неоднозначную реакцию международного сообщества, в связи с чем западные страны быстро переориентировались на формат «арабских весен», которые, на первый взгляд, не выглядят как вторжения извне, а представляют собой революционные преобразования изнутри, что позволяет исключить фактор возможной международно-правовой ответственности стран-организаторов.

Собственно, ключевым вопросом является резонный вопрос о том, кто же будет отвечать за разрушенную инфраструктуру, за жертвы среди

мирного населения, за то, что экономики некогда процветавших стран, отличавшихся сравнительно высоким уровнем жизни, отброшены назад на десятилетия? Линдон Ларуш, весьма неоднозначный американский общественный деятель и публицист, известный своей последовательной критикой «насильственного насаждения демократии», практикуемой США, выступил в июне 2014 г. с провокационным заявлением о необходимости начала процедуры импичмента американского президента Б. Обамы за организацию по всему миру «цветных революций» и «арабских весен»¹. Возможен ли подобный вариант, и почему именно США столь активно реализуют политические перевороты по всему миру?

Запрет на «применение силы и угрозу силой», закрепленный с 1945 г. в Уставе ООН, актуализировал вопрос о поиске «обходных» способов воздействия на потенциального политического противника. Данное обстоятельство привело, во-первых, к интенсификации фактора экономического воздействия через различные виды санкций и торговое эмбарго, а во-вторых, к разработке такого способа воздействия на противника, который бы не являлся войной в юридическом смысле, однако по эффективности результатов и губительности последствий был бы с ней сопоставим. В результате была разработана концепция «цветных революций», обеспечивающая смену неугодных неподконтрольных режимов, причем без явного вооруженного вмешательства извне.

Необходимо отметить, что технология «классических» государственных переворотов, сопровождающаяся открытой военной поддержкой по-

¹ URL: <http://archive.larouchepac.com/node/30990>

встанцев, была многократно апробирована США в рамках реализации знаменитой «доктрины Монро» в течение всего XX в. Можно констатировать, что особого общественного резонанса это не вызвало, поскольку европейцами негласный американский «патронаж» над латиноамериканскими государствами всерьез не оспаривался. Кроме того, латиноамериканский континент находится на значительном удалении от европейского региона. Можно констатировать, что в полной мере последствия «цветных революций» европейцы прочувствовали, лишь когда они состоялись в непосредственной географической близости, что вызвало вполне конкретные последствия в виде сильнейшего миграционного кризиса.

Между тем о внешнем вмешательстве в дела суверенных государств как о возможном основании международной ответственности можно было бы заговорить гораздо раньше. В 1954 г. была реализована спецоперация ЦРУ США по свержению лидера Гватемалы, который был заподозрен в прокоммунистических настроениях, что, по мнению президента Д. Эйзенхауэра, создавало «аванпост на континенте для подрыва всех американских наций»². Операция проводилась в формате военного вторжения, с бомбардировками портов, складов с боеприпасами и казарм правительственной армии. Попытка принять резолюцию Совета Безопасности ООН, осуждающую вторжение США в Гватемалу, была заблокирована американцами. В мае 1961 г. на Рафаэля Трухильо Молину, лидера Доминиканской республики в 1930–1961 гг., было совершено покушение революционной организацией «Движение 14 июля», которую поддерживало ЦРУ США. В 1989 г., также при активной поддержке ЦРУ, был свергнут лидер Панамы Мануэль Норьега.

Можно констатировать, что общей чертой вооруженных государственных переворотов в Латинской Америке в XX в. и «цветных революций» последних 15 лет является наличие некой «высокой цели», официально декларируемой США, достижение которой оправдывает любые средства, в том числе внешнее вмешательство: в первом случае это была борьба с коммунизмом, а во втором — практически насильственное насаждение демократии, без учета ментальности и исторических традиций конкретных государств.

Что касается международно-правовой ответственности за латиноамериканские перевороты, можно констатировать, что единственным резонансным юридическим последствием стало дело «Никарагуа против США», которое рассматривалось в Международном суде ООН в 1986 г. Поводом для разбирательства послужила открытая военная и финансовая поддержка США повстанцев «контрас» в Никарагуа в 1982 г. Поддержка анти-

коммунистической оппозиции было важным пунктом политической платформы президента США Р. Рейгана. Действовавшее правительство Никарагуа обратилось в Международный Суд ООН, который, в свою очередь, вынес решение о том, что США нарушили нормы международного права, и присудил Никарагуа компенсацию в размере 17 млрд долларов. Согласно решению суда, были нарушены такие обязательства по Уставу ООН, как принцип неприменения силы против другого государства, а также принцип невмешательства в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию государства.

Международный суд в данном решении постановил, что для того, чтобы поведение США привело к возникновению юридической ответственности, необходимо доказать, что США осуществляли непосредственный контроль за теми операциями, в ходе которых были совершены правонарушения³. Дело «Никарагуа против США» также наглядно продемонстрировало, насколько неоднозначно могут трактоваться вопросы, связанные с внешним вмешательством.

Собственно, концепция «цветных революций» во многом стала возможной именно благодаря противоречивым трактовкам различных правовых категорий, которые присутствуют в различных национальных международно-правовых доктринах. В рассматриваемом контексте наибольшие сложности вызывают категория «вопросы, по существу входящие во внутреннюю компетенцию государства» и категория «государственного суверенитета».

Принцип невмешательства в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию государства, относится к числу императивных принципов международного права, что делает его одной из фундаментальных основ современной системы международной безопасности. Содержание принципа подробно раскрыто в ряде деклараций Генеральной Ассамблеи ООН, а именно в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 г., в Декларации о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств и об ограждении их независимости и суверенитета от 21.12.1965 и Декларации о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств от 09.12.1981. Однако налицо ключевая проблема всех вышеуказанных документов — то, что они не раскрывают точное содержание категории «дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию государств», что и провоцирует самые противоречивые трактовки.

² New York Times. 1954. 16 June. URL: <http://www.nytimes.com>

³ Military and Paramilitary Activities in and Against (Nicaragua v. United States of America). Merit's, Judgment // ICJ Reports. 1986. 27 June.

Например, сторонники того, что суверенитет не является препятствием для вмешательства, заявляют, что «по существу, внутренний порядок никогда не был автономным в строгом смысле. Суверенитет не является и никогда не был исключительной компетенцией»⁴. Также нередко используется ссылка на отдельные статьи Устава ООН, в которых оговаривается возможность «предпринимать совместные и самостоятельные действия» (ст. 56) и «эффективные коллективные меры» (ст. 1) для «всеобщего уважения и соблюдения прав человека» (ст. 55). Как отмечал 7-й Генеральный секретарь ООН К. Аннан, «суверенитет сам по себе не является единственным препятствием для эффективных действий в связи с правами человека или гуманитарными кризисами»⁵. Однако очевидно, что указанные положения применимы лишь к коллективному миротворчеству под эгидой ООН, но никак не к односторонним действиям.

В уже упомянутом деле «Никарагуа против США» Международный суд ООН следующим образом определил границы внешнего вмешательства: «Запрещенное вмешательство касается вопросов, которые, в соответствии с принципом государственного суверенитета, каждое государство может решать свободно. Такими вопросами являются, в частности, выбор политической, экономической, социальной и культурной систем, а также определение внешней политики»⁶.

Вопрос о том, как именно должно происходить становление государственности, — безусловно, дискуссионный и весьма деликатный. Однако очевидно, что жизнеспособность любого режима во многом зависит от того, насколько действия власти реально отражают чаяния и устремления большинства населения, а также от того, насколько население реально готово к политическим переменам. Британский общественный деятель XIX в. Д. С. Милль справедливо замечал, что «если люди не имеют достаточной жажды свободы для того, чтобы освободиться своими силами от национальных притеснителей, то свобода, которую принесут им внешние силы, не будет ни подлинной, ни обладающей жизнеспособностью»⁷. Тем не менее западные страны в последние годы заняты активной помощью оппозиционным силам в иностранных государствах, сопровождаемой насаждением собственного видения государственности, демокра-

тии и управления обществом. Режимы в Ливии, Сирии и Египте до момента начала «арабских весен» просуществовали по три-четыре десятилетия в условиях относительной политической и экономической стабильности. В процессе стремительно начавшихся гражданских волнений западные страны обвинили ближневосточные правительства в недостаточном демократизме, нарушении прав человека, подавлении оппозиции и пр. На указанных основаниях был инициирован процесс смены правительств, причем чаще всего это происходило путем государственного переворота. Отечественный эксперт Л. Исаев отмечает, что последствия потрясений на Ближнем Востоке тесно связаны с конкретными историческими особенностями различных государств, поэтому в Тунисе, Египте, Ливии социально-политические потрясения привели к принципиальным изменениям политического процесса, а в других, например, Ливане, Судане и Кувейте, «дело ограничилось лишь “косметическим ремонтом” старых политических конструкций»⁸.

Можно констатировать, что успех «цветных революций» напрямую обеспечен эффективностью доктрины так называемой мягкой силы, основанной на информационной агрессии, манипулировании общественным мнением и целевым финансированием различных НПО, ведущих систематическую работу с «пятими колоннами» в различных государствах. Одними из наиболее востребованных политических консультантов «цветных революций» стали Д. Шарп и М. Макфол. Программная работа Шарпа «От диктатуры к демократии»⁹ была переведена на арабский язык и активно распространялась в Египте и Тунисе в период «арабских весен».

Произошедшие «цветные революции» имеют столько общих черт, что очевидно наличие единой схемы, которая, с незначительными поправками и коррективами, потенциально может быть растиражирована в неограниченном кругу государств — объектов воздействия. История продемонстрировала, что выработанная схема государственных переворотов может с успехом использоваться в самых различных регионах земного шара, причем как в государствах, исторически более близких к Востоку, так и в государствах, относящихся к цивилизации Запада.

Важно отметить, что сам термин «цветная революция» является скорее журналистским, нежели правовым. Кроме того, некоторые эксперты полагают, что рассматриваемые явления на

⁴ Falk R. *The United Nations and a Just World Order*. Westview Press, 1991. P. 100.

⁵ Аннан К. Размышления о проблеме вмешательства // Проблема вмешательства. Выступление Генерального Секретаря ООН. Н.-Й., 1999. С. 7.

⁶ *Military and Paramilitary Activities in and Against (Nicaragua v. United States of America)*. P. 108.

⁷ Милль Дж. Ст. О свободе. URL: <http://www.inliberty.ru/library/classic/1429>

⁸ Исаев Л. А. «Арабская весна»: краткий конспект // Общая тетрадь. Вестник московской школы гражданского просвещения. 2012. № 4 (60). URL: <http://otetrad.ru/article-366.html>

⁹ Шарп Д. От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения. URL: http://www.aeinsteinstudies.org/wp-content/uploads/2013/10/FDTD_Russian.pdf

самом деле являются не революциями, а скорее, относительно бескровными государственными переворотами: «Так называемые цветные революции не являются революциями, а представляют собой “верхушечные перевороты” без изменения социально-классового характера власти»¹⁰.

Декларируемый «ненасильственный» характер «цветных революций» также является весьма распространённым, однако тщательно культивируемым заблуждением, призванным подчеркнуть позитивный характер данного явления. Прием значительного изменения смысла понятия путем незначительного, на первый взгляд, добавления, давно известен политтехнологам. Наиболее типичными примерами являются популярные понятия «гибридная война» и «цветная революция», которые «даются синтетическими конструкциями, базирующимися на известных понятиях “война” и “революция” с уточняющими прилагательными, меняющими их смысл»¹¹. В результате из-за позитивного восприятия термина «революция» как синонима обновления, справедливости, прорыва, добавление прилагательного «цветная» приводит к тому, что позитивное отношение автоматически переносится и на термин «цветная революция», хотя «цветные революции — не совсем революции, больше того — совсем не революции»¹².

Можно констатировать, что «цветные революции» не имеют ничего общего с французской буржуазной революцией 1789–1794 гг., американской буржуазной революцией 1775–1783 гг. или же октябрьской революцией в России в 1917 г. прежде всего потому, что они опирались не на реальные социально-экономические предпосылки, а были основаны на абсолютизации какого-то одного фактора или проблемы, которые преподносились как препятствие для дальнейшего развития государства и общества. Причем данный фактор или проблема далеко не всегда соотносились с реальным историческим контекстом и ментальностью населения, что, однако, проявилось позже, когда переворот уже был совершен, а его последствия приобрели необратимый характер. Министр иностранных дел РФ С.В. Лавров комментирует итоги инспирированных извне государственных переворотов на Ближнем Востоке следующим образом: «Уже не стесняются вспоминать и про Ирак, уже начинают вспоминать и более свежий пример — Ливию, которая превратилась в никем не контролируемый коридор для контрабанды мигрантов из многих стран Африки в Европу. Уже начинают вспоминать, как обошлись с Каддафи, как пытались исходить из

иллюзии о том, что смени диктатора — демократия сама собой пустит корни»¹³.

Можно констатировать, что определенное «отрезвление» западных лидеров произошло, когда хаос и радикализация в ближневосточном регионе привели к активизации не только «классических» террористических организаций, например «Аль-Каиды», но и стали важнейшими факторами появления радикального транснационального исламистского движения ИГИЛ, обладающего признаками и государства, и организации. Так, бывший премьер-министр Великобритании Т. Блэр в октябре 2015 г. признал, что «вторжение в 2003 году в Ирак вооруженных сил США и их союзников стало одной из основных причин появления террористической организации “Исламское государство”, при этом политик особо подчеркнул, что “нельзя сказать, что те, кто сместил Саддама Хусейна в 2003 г., не несут ответственность за ситуацию в 2015”»¹⁴.

Показательно, что в 1999 г. именно Т. Блэр в своей речи, произнесенной на экономическом форуме в Чикаго, заявил о необходимости внедрения нового типа войны, который позволил бы обойти традиционный «вестфальский» государственный суверенитет¹⁵. Сценарий, по которому впоследствии развивались «цветные революции» и «арабские весны», по сути, ничем не отличался от логических построений автора концепции «гуманитарной интервенции» Б. Кушнера, который выделял в каждом конфликте «хорошую» сторону, состоящую из жертв, и «плохую» сторону, которая хочет всех уничтожить, однако тревогу вызывает тот факт, что «плохой» стороной стали законные правительства.

При этом очевидно, что страны-организаторы не ощущают никакой особой ответственности за дальнейшую судьбу государств, разоренных революциями и истощенных гражданскими войнами. Американский юрист Д. Батлер в своей статье с провокационным названием «Ответственность за смену режимов» утверждает, что «ответственность влечет за собой двойное обязательство, заключающееся в необходимости администрирования территории для осуществления контроля, а также в обеспечении того, чтобы режим, пришедший к власти, уважал права населения»¹⁶, однако практика показывает, что в жизни все гораздо прозаичней, и государства, пережившие «цветные» перевороты, с «постреволюционным синдромом»

¹⁰ Парфенов Д.А. Подлинные революции и так называемые «цветные»: разбор полетов. URL: http://kprf.ru/rus_soc/108833.html

¹¹ Манойло А.В. Цветные революции и гибридные войны // Стратегия России. 2015. № 7. С. 17–24.

¹² Там же.

¹³ Сергей Лавров: ЕС разглядел причину хаоса на Ближнем Востоке. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2678922>

¹⁴ Тони Блэр признал, что вторжение в Ирак стало одной из главных причин появления ИГ. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2376889>

¹⁵ The Blair Doctrine. Transcript of Tony Blair's speech in Chicago before the Economic Club on April 22, 1999.

¹⁶ Butler J. Responsibility for Regime Change // Columbia Law Review. 2014. Vol. 114. № 3. P. 507.

вынуждены справляться самостоятельно, причем приведенная к власти новая политическая элита нередко совершает еще больше ошибок, чем предшествующая.

Правовой категорией, которая наиболее точно отражает ситуацию внешнего вмешательства во внутренние дела суверенных государств, является такая категория, как «государственный терроризм». «Государственным терроризмом» можно назвать деятельность государства, направленную на поддержку экстремистских и террористических организаций¹⁷.

Экс-президент США Р. Никсон определял тайные операции, проводимые спецслужбами, как «те виды деятельности, которые, хотя и предназначены для осуществления официальных программ и политики за рубежом, так спланированы и проведены, что участие правительства США не является очевидным для посторонних лиц»¹⁸. При этом весьма показательно, что, в отличие от президента Никсона, президент Обама уже позволял открытые заявления о том, что «США и другие государства работали над укреплением умеренной сирийской оппозиции»¹⁹.

Кроме того, сегодня американский истеблишмент уже не отрицает, что несколько десятилетий назад США начали вербовать радикальных исламистов для борьбы с СССР в Афганистане, чтобы не допустить «контроля СССР над Центральной Азией»²⁰. После распада Советского Союза данная деятельность еще больше интенсифицировалась. Генерал армии США У. Кларк заявил, что в 1991 г. один из самых известных неоконсерваторов Пентагона, П. Вулфовиц сказал ему: «У нас есть пять или десять лет, чтобы зачистить этих старых советских клиентов — Сирию, Иран, Ирак — прежде чем сверхсила бросит нам вызов»²¹.

Также широко известна политика активной финансовой и военной помощи Ираку, которую оказывали США в 1980–1990-х гг. Саддам Хуссейн, который позже стал «заклятым врагом» Америки, в 1993 г. был почетным гражданином Детройта²².

¹⁷ Подробнее о явлении «государственного терроризма» см.: Сазонова К.Л. Политика «государственного терроризма»: вызов действующей системе универсальной коллективной безопасности и возможное основание международной ответственности государств // Национальная безопасность. 2015. № 1 (36). С. 67–72.

¹⁸ Цит. по: Blum W. Killing Hope. US Military and CIA Interventions since World War II. Maine, 1995.

¹⁹ Президент США: Совет Безопасности ООН должен принять решительную резолюцию по Сирии. Центр новостей ООН. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=20272>

²⁰ Хиллари Клинтон: это мы создали Аль Каиду URL: <http://topwar.ru/18506-hillari-klinton-eto-my-sozdali-al-kaidu.html>

²¹ Wesley C. Winning Modern Wars. N.Y.: Public Affairs, 2003. P. 130.

²² Saddam received key to city of Detroit in 1980. URL: <http://www.timeenoughforlove.org/saved/SaddamReceivedKeyToCityOfDetroit1980.htm>

Неудивительно, что некоторые исследователи характеризуют «государственный терроризм» как «циничное использование “права силы” и практики “двойных стандартов”»²³. Отношение западных стран к радикальным организациям меняется в зависимости от того, на чьей стороне они выступают: «Поскольку официально финансировать такие силы невозможно, неофициальный Вашингтон позволяет им вести наркопроизводство и наркоторговлю, обеспечивая им содействие и прикрытие. Так сложились американские альянсы с сирийской мафией, контрабандистами — в Никарагуа, Армией освобождения — в Косово, аутодефенсас — в Колумбии, Хекматъяром — в Афганистане в 1980-е и со многими полевыми командирами в 2000-е»²⁴.

Еще одной разновидностью «государственного терроризма» можно назвать деятельность государства, направленную на политическую и финансовую поддержку оппозиции в другом государстве. Американский исследователь А. Росс пишет, как осуществляется подобная поддержка: «Все началось с тайного финансирования через сеть неправительственных организаций, используемых США для организации “цветных революций”, в частности, Фондом Сороса, Фридом хаус, финансируемой, в основном, Госдепом США и Управлением международного развития США, и Национального фонда развития демократии. Об истинной цели этих действий говорит название еще одной организации-участника процесса: “Комитет США по расширению НАТО”, который был позднее переименован в “Проект по переходным демократиям”»²⁵. Революция в Ливии в 2011 г. проходила по тому же сценарию: «ЦРУ мобилизовало свой давний террористический ресурс — Национальный фронт спасения Ливии, спровоцировавший вооруженное восстание в феврале 2011 г. Оружие было завезено из Египта, а часть Центрального командования под предлогом “гуманитарного кризиса”, запустило натовские бомбардировщики, чтобы свергнуть правительство Ливии»²⁶.

В 1984 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию «О недопустимости политики государственного терроризма и любых действий государств, направленных на подрыв общественно-политического строя в других суверенных государствах», где впервые был использован термин «государственный терроризм». Однако проблема правовой квалификации данного явления усложняется также тем, что в настоящий момент

²³ Боташева А. К. Эскалация государственного терроризма // Власть. 2009. № 4. С. 69–72.

²⁴ Крашенинникова В. Вступительное слово // НАТО: Мифы и реальность. Уроки для России и мира: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 15.05.2012 г.). М.: ИНВИССИН, 2012. С. 9.

²⁵ Росс А. От Ялтинских соглашений до Ливии: история агрессии и преемственность миссии НАТО // НАТО: Мифы и реальность. С. 28.

²⁶ Там же. С. 29.

в международном праве отсутствует не только определение «государственного терроризма», но и определение «терроризма» вообще, а кроме того, существенно различается перечень террористических организаций в разных странах.

К числу факторов, существенно осложняющих развитие международно-правовой ответственности за организацию «цветных революций» и поддержку оппозиции за рубежом, можно отнести и тот факт, что отрасль международно-правовой ответственности долгое время не была кодифицирована. Те документы, которые были разработаны в итоге — Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г. и Проект статей об ответственности международных организаций 2011 г., по-прежнему не имеют статуса международных договоров.

Кроме того, даже если указанные проекты будут приняты в качестве международных конвенций, случаи невоенного вмешательства во внутренние дела суверенных государств все равно будет весьма сложно отнести к возможным основаниям международно-правовой ответственности. Параграф 4 ст. 2 Устава ООН, содержащий обязательство для членов ООН воздерживаться от применения силы и угрозы силой, касается в большей степени случаев явной агрессии и открытого применения вооруженной силы, оставляя «за скобками» варианты применения экономической силы в формате санкций, а также политической силы, используемой для усиления оппозиции и подогрева антиправительственных настроений в другом государстве.

В результате можно констатировать, что право международной ответственности рассчитано на случаи открытого применения вооруженной силы, но фактически бессильно перед ситуациями экономического и политического давления на государства. Весьма показательны, что один из главных идеологов «цветных революций» Д. Сорос открыто призывает западные страны воспринимать финансовую поддержку украинского правительства как «бюджетные расходы на оборону»²⁷, ведь подобная деятельность действительно стала неотъемлемой частью ведения войн нового типа.

На третьей Московской конференции по международной безопасности, состоявшейся в мае 2014 г., организация «цветных революций» была названа новой формой агрессивной войны, которая проводится для дестабилизации государств, имеющих важное геостратегическое расположение²⁸. Принятие подобной трактовки на уровне ООН существенно упростило бы процесс возможного привлечения государств к международно-правовой ответственности за подобные действия.

К сожалению, можно констатировать, что в настоящее время деятельность по организации «цветных революций» остается безнаказанной, причем даже в случаях, когда становятся известными конкретные факты, демонстрирующие связь отдельных стран с проведением государственных переворотов в других государствах. На сегодняшний день единственным способом привлечь государства к ответственности за «государственный терроризм» и внешнее вмешательство в дела суверенных государств — это выявление международно-противоправных деяний, с которыми данные действия имеют наиболее тесную связь — агрессию, угрозу силой, геноцид и т.д.²⁹ Если же открытого военно-силового вмешательства нет, и присутствует исключительно финансовая и информационная поддержка антиправительственных сил, реализовать привлечение стран-организаторов к международно-правовой ответственности фактически невозможно, что представляет собой колоссальный пробел в действующей системе международного права.

Список литературы:

1. Боташева А.К. Эскалация государственного терроризма // Власть. 2009. № 4. С. 69–72.
2. Исаев Л.А. «Арабская весна»: краткий конспект // Общая тетрадь. Вестник московской школы гражданского просвещения. 2012. № 4 (60). URL: <http://otetrad.ru/article-366.html>
3. Манойло А.В. Цветные революции и гибридные войны // Стратегия России. 2015. № 7. С. 17–24.
4. Милль Д.Ст. О свободе. URL: <http://www.inliberty.ru/library/classic/1429/>
5. Парфенов Д.А. Подлинные революции и так называемые «цветные»: разбор полетов. URL: http://kprf.ru/rus_soc/108833.html
6. Росс А. От Ялтинских соглашений до Ливии: история агрессии и преемственность миссии НАТО // НАТО: Мифы и реальность. Уроки для России и мира: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 15.05.2012 г.). М.: ИНВИССИН, 2012. С. 28–29.
7. Сазонова К.Л. Институт ответственности государств за применение силы: современное состояние и перспективы развития // Юридические исследования. 2012. № 3. С. 78–91.
8. Сазонова К.Л. Политика «государственного терроризма»: вызов действующей системе универсальной коллективной безопасности и возможное основание международной ответственности государств // Национальная безопасность. 2015. № 1 (36). С. 67–72.
9. Шарп Д. От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения. URL: http://www.aeinsteinstein.org/wp-content/uploads/2013/10/FDTD_Russian.pdf
10. Blum W. Killing Hope. US Military and CIA Interventions since World War II. Maine, 1995.
11. Butler J. Responsibility for Regime Change // Columbia Law Review. 2014. Vol. 114. № 3.
12. Falk R. The United Nations and a Just World Order. Westview Press, 1991.
13. Wesley C. Winning Modern Wars. N.Y.: Public Affairs, 2003.

²⁷ Сорос зовет Европу на войну. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/125401/>

²⁸ Материалы III Московской конференции по безопасности / под общ. ред. А.И. Антонова. (Москва, 23–24.05.2014 г.).

²⁹ Подробнее об ответственности за подобные действия см.: Сазонова К.Л. Институт ответственности государств за применение силы: современное состояние и перспективы развития // Юридические исследования. 2012. № 3. С. 78–91.

The Problem of State Responsibility for the Organization of «Color Revolutions» and Opposition Support Abroad

Sazonova K.L.,

PhD in Law, PhD in Politics, Associate Professor
of the Russian Presidential Academy
of the National Economy and Public Administration,
International Institute of Public Administration and Management
E-mail: kira_sazonova@mail.ru

Abstract. *The «color revolutions» in the former Soviet Union space and the «Arab Spring» in the Middle East actualized the international law component of these phenomena. This is closely linked with the problem of a possible implementation of the international responsibility of those states that are involved in the organization of political upheavals in other countries. The present article examines the legal difficulties which arise from the implementation of this type of responsibility.*

Keywords: «color revolutions», opposition support, international law, international responsibility, states.

References:

1. Botasheva A.K. Jeskalacija gosudarstvennogo terrorizma // Vlast'. 2009. № 4. С. 69–72.
2. Isaev L.A. «Arabskaja vesna»: kratkij konspekt // Obsbhaja tetrad'. Vestnik moskovskoj shkoly grazhdanskogo prosveshhenija. 2012. № 4 (60). URL: <http://otetrad.ru/article-366.html>
3. Manojlo A.V. Cvetnye revoljucii i gibridnye vojny // Strategija Rossii. 2015. № 7. S. 17–24.
4. Mill' D. St. O svobode. URL: <http://www.inliberty.ru/library/classic/1429/>
5. Parfenov D.A. Podlinnye revoljucii i tak nazyvajemye «cvetnye»: razbor poletov. URL: http://kprf.ru/rus_soc/108833.html
6. Ross A. Ot Jaltinskih soglashenij do Livii: istorija agressii i preemstvennost' missii NATO // NATO: Mify i real'nost'. Uroki dlja Rossii i mira: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 15.05.2012 g.). M.: INVISSIN, 2012. S. 28–29.
7. Sazonova K.L. Institut otvetstvennosti gosudarstv za primenenie sily: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitiya // Juridicheskie issledovanija. 2012. № 3. S. 78–91.
8. Sazonova K.L. Politika «gosudarstvennogo terrorizma»: vyzov dejstvujushhej sisteme universal'noj kollektivnoj bezopasnosti i vozmozhnoe osnovanie mezhdunarodnoj otvetstvennosti gosudarstv // Nacional'naja bezopasnost'. 2015. № 1 (36). S. 67–72.
9. Sharp D. Ot diktatury k demokratii. Konceptual'nye osnovy osvobozhdenija. URL: http://www.aeinstein.org/wp-content/uploads/2013/10/FDTD_Russian.pdf
10. Blum W. Killing Hope. US Military and CIA Interventions since World War II. Maine, 1995.
11. Butler J. Responsibility for Regime Change // Columbia Law Review. 2014. Vol. 114. № 3.
12. Falk R. The United Nations and a Just World Order. Westview Press, 1991.
13. Wesley C. Winning Modern Wars. N.Y.: Public Affairs, 2003.